
ДЕМОКРАТИЯ И ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению вопроса о наличии связи между процессом совершенствования общественно-политической системы и процессом распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Сложившаяся традиция основана на представлении о научно-техническом прогрессе как важнейшем факторе общественно-политического развития, однако так ли это на самом деле? Анализ статистических данных показывает, что, несмотря на имеющуюся корреляцию между распространением в стране ИКТ и степенью совершенства общественно-политической системы, на практике преодоление страной цифрового отставания не означает, что в ней начинает процветать демократия и свобода. Не стоит забывать, что любые технологии, информационно-коммуникационные в том числе, — это всего лишь инструмент, применение которого может дать как положительный, так и отрицательный эффект.

Ключевые слова: демократия, цифровое неравенство, индекс демократии, информационно-коммуникационные технологии, Интернет, количественный анализ.

Автор

Каратеев Артём Юрьевич

Доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук (Москва, Россия)

На сегодняшний день вопрос о наличии связи между процессом демократизации и процессом распространения информационных технологий кажется решенным и не требующим дополнительных исследований. Традиционно принято считать, что развитие науки, техники и технологий коррелирует с общественным прогрессом. То есть либо способствует прогрессу, либо, если установление причинно-следственной связи оказывается спорным, сопровождает общественный прогресс. Своими корнями идея о связи общественного развития с развитием научно-техническим уходит в далекое прошлое, а потому воспринимается довольно часто как данность, как не вызывающий сомнения постулат. Действительно, именно научно-технические достижения позволили передовым странам еще в период XVIII–XIX вв. начать борьбу с

хроническим недоеданием, вспышками голода и болезней, и уже к началу XX в. это привело к заметному увеличению средней продолжительности жизни. Эти изменения сопровождалось совершенствованием политической системы, ее либерализацией и демократизацией. Вполне естественно, что в таких условиях сформировалось представление о научно-техническом прогрессе как важнейшем «драйвере» общественно-политического развития.

События XX века существенно снизили градус восторженной веры в чудодейственность научно-технического прогресса, однако, в целом, не повлияли на оценку его значимости в деле совершенствования устройства человеческого общества. Факты, когда научно-технические достижения оборачивались человеку во вред, хотя и были многочисленными, чаще всего рассматривались как нарушения поряд-

ка, которые необходимо проанализировать и взять под контроль. Подобная процедура была запущена для оружия массового поражения, экологических катастроф, техногенных рисков и т.д. Таким образом, глобальный подход к научно-техническому развитию заключается в признании его положительной роли и предполагает частичный контроль некоторых из направлений и аспектов этого развития, потенциально представляющих опасность (атомная энергетика, геновая инженерия, загрязнение окружающей среды, распространение вооружений и т.д.).

Одной из областей пристального внимания со стороны мирового сообщества в последние 20–30 лет является проблема цифрового неравенства (*digital divide*), то есть неравномерного доступа людей к современным информационно-коммуникационным технологиям.

Еще в 80–90-е гг. прошлого века исследования стали фиксировать существенный разрыв во внедрении и использовании новых достижений информационной и телекоммуникационной техники и между отдельными странами и регионами, и между разными социальными группами одной страны или региона. Если в 80-е гг. речь шла о разрыве в распространении телефонной связи и телевизоров, то в 90-е — о степени распространения персональных компьютеров, а еще позже — о распространении Интернета и сотовой связи. Так, в 80–90-е годы количество компьютеров и стационарных телефонов в развитых странах в пересчете на человека на порядок превышало аналогичные показатели некоторых африканских стран. Вместе с тем и в самих развитых странах распределение компьютеров и телефонов не было равномерным: у жителей городов они встречались чаще, чем у жителей сельской местности; у белого населения — чаще, чем у цветного; у богатых и образованных — чаще, чем у бедных и не имевших образования.

Первоначально цифровое неравенство было признано следствием социально-экономического неравенства. Объяснительная модель была очевидной: жители городов, белое население, люди с хорошим образованием имели больше доходов, а потому могли себе позволить телевизор, сотовый телефон, подключение к Интернету. Напомним, что все эти предметы и услуги первоначально стоили довольно дорого и даже в богатых странах были по карману далеко не всем. Аналогичным образом объяснялось и цифровое неравенство между странами и регионами.

Дальнейшие исследования показали, что на возникновение цифрового неравенства влияют не только финансовые различия между индивидами, но и ряд других факторов, не связанных напрямую с материальным благополучием. Оказалось, что большее значение играют возраст, культурные предпочтения, область занятости, стиль жизни и т.д. Более того, выяснилось наличие обратной связи между доступом к ИКТ и жизненной успешностью. Было установлено, что доступ к ИКТ является фактором, существенно повышающим конкурентоспособность человека и его шансы на достижение более высокого социального статуса. В самом деле, обладание компьютером и/или навыками работы на нем, умение работать в Интернете, наличие стационарного и/или сотового телефона повышают уровень информированности человека, его включенности в социальную среду, делают его более привлекательным на рынке труда.

Более того, оказалось, что наличие цифрового неравенства приводит к углублению социально-экономического неравенства: обеспеченный и образованный человек имеет возможность купить компьютер, мобильный телефон, подключиться к Интернету — стать более квалифицированным, информированным, конкурентоспособным — и, как результат, еще более обеспеченным и образованным. Бедный и

необразованный не может позволить себе эти приобретения — и остается бедным и необразованным. Или даже еще более бедным и необразованным по сравнению с более успешными согражданами, находящимися по другую сторону цифрового барьера.

Вопреки идеям о том, что технический прогресс позволит устранить или смягчить противоречия между общественными группами, на практике обнаружилось, что новые технологии способствовали не социальному выравниванию, а наоборот — усилению противоречий. Было признано, что цифровое неравенство не просто делит общество на страты, но противоречит основополагающим принципам демократии, а именно — принципу равных возможностей.

Как и некоторые другие потенциально опасные для человечества аспекты научно-технического развития, цифровое неравенство было взято под частичный контроль. Стало очевидным, что требуется выработка как внутригосударственной, так международной политики, которая если и не сделала бы управляемым процесс развития и внедрения ИКТ, то, по крайней мере, смягчила бы его негативные последствия, не допустив углубления социальной дифференциации и усиления международной напряженности.

Таким образом, формирование программ по преодолению цифрового неравенства преследовало одновременно несколько целей, лежавших в разных плоскостях: это и поддержание демократических принципов, и обеспечение прав и свобод (например, права на доступ к культурным ценностям и права на образование), и повышение квалификации населения, и снижение степени социальной дифференциации. Принятые на национальном и международном уровне инициативы включали проведение Интернета в сельские районы, подключение к нему школ, библиотек, передачу на льготных

условиях компьютерной и коммуникационной техники малообеспеченным семьям, создание специализированных образовательных центров, обучение работе с компьютерами и сетевыми технологиями детей из неблагополучных семей, лиц пожилого возраста и т.д.

Первоначально подобные программы реализовывались в развитых странах, но, по мере успешной реализации политики по сглаживанию цифрового неравенства внутри стран, все более важной становилась проблема разрыва в доступе к ИКТ между регионами мира. В 2005 г. эта проблема была озвучена в докладе Генерального секретаря ООН «К вопросу о цифровом разрыве». В нем указывалось, что отставание страны в использовании ИКТ ведет к ее постепенному исключению из глобальных экономических процессов. Программы помощи отстающим странам предусматривали поставки вычислительной техники, средств связи, коммуникационного оборудования, помощь в обучении населения и специалистов, проведении каналов связи, запуске национальных интернет-ресурсов и многое другое. Немаловажную роль играла здесь убежденность в том, что развитие ИКТ и приобщение к ним широких слоев населения улучшает не только экономическую и социальную ситуацию, но и способствует процессам демократизации. В самом деле, использование ИКТ позволяет:

- повысить доступность значимой социально-политической информации, включая общегосударственное и местное законодательство, решения государственных органов и т.д.;
- повысить прозрачность деятельности органов власти, общественно-политических организаций, отдельных политиков;
- наладить каналы двусторонней коммуникации между населением и органами власти (электронные приемные, порталы государственных услуг и т.п.);

- автоматизировать и упростить процессы сбора мнений граждан по насущным проблемам (начиная от автоматической обработки бумажных избирательных бюллетеней и заканчивая электронными референдумами);
- повысить оперативность фиксации и передачи информации о нарушениях прав и свобод граждан, в т.ч. в международные органы.

Было признано, что именно использование ИКТ делает возможным в полной мере в масштабах страны реализовать принципы делиберативной демократии, предоставляет технологическую платформу для проведения общенациональных или даже наднациональных обсуждений и дискуссий, обмена мнений. Как отмечают некоторые авторы: «Политические информационные системы являются жизненно важными в условиях представительной демократии» [3. — С. 32]. Важность ИКТ для процесса демократизации была постулирована высшим руководством России: «Развитие таких технологий прямо влияет на подъем науки и техники, на эффективность государственного управления и даже на политическую систему, открывая доступ к политическим институтам и тем самым на расширение демократии» [2].

Вместе с тем нельзя не признать, что борьба с цифровым неравенством и стремление к повальной компьютеризации и интернетизации населения, бизнеса, властных структур не столько вытекают из объективных требований действительности, сколько определяются некими концептами. Одним из таких концептов является представление об информационном, постиндустриальном обществе, которое будет следующим шагом развития человечества. Разработка идеи информационного общества, образно говоря, программирует будущее аналогично тому, как программирует будущее любой прогноз. Вполне естественно,

что для реализации этого прогноза требуется максимально возможное распространение ИКТ. При этом само по себе информационное общество представляется в воображении его теоретиков то как квазикоммунистическое общество изобилия с отмершими властными органами, то как либерально-демократическое сообщество, то как тоталитарное государство, умеющее, благодаря новейшим технологиям, контролировать каждый шаг и каждое намерение гражданина.

Однако, как обстоит дело на практике? Можно ли на сегодняшний день ответить на вопрос о том, способствует ли развитие и распространение информационно-коммуникационных технологий общественно-политическому прогрессу? В качестве примера такого рода исследования можно провести анализ межстрановых показателей, характеризующих, с одной стороны, степень распространения ИКТ, а с другой — степень совершенства общественно-политической системы.

Возьмем для простоты два показателя: процент взрослого населения, имеющего доступ в Интернет (Percentage of individuals using the Internet), и индекс демократии. Первый показатель подразумевает, что человек считается имеющим доступ к Интернету, если за последние 12 месяцев хотя бы раз выходил в Интернет с любого устройства [5. — Р. 142–145]. Индекс демократии является комплексным параметром и включает несколько компонент, описывающих степень демократичности электорального процесса, деятельность правительства, характер политического участия, уровень политической культуры и обеспечение гражданских свобод [4]. На основании этих двух показателей можно построить диаграмму рассеивания, на которой каждой стране будет соответствовать точка. Горизонтальная координата точки будет соответствовать проценту населения, имеющего доступ в Интернет (шкала

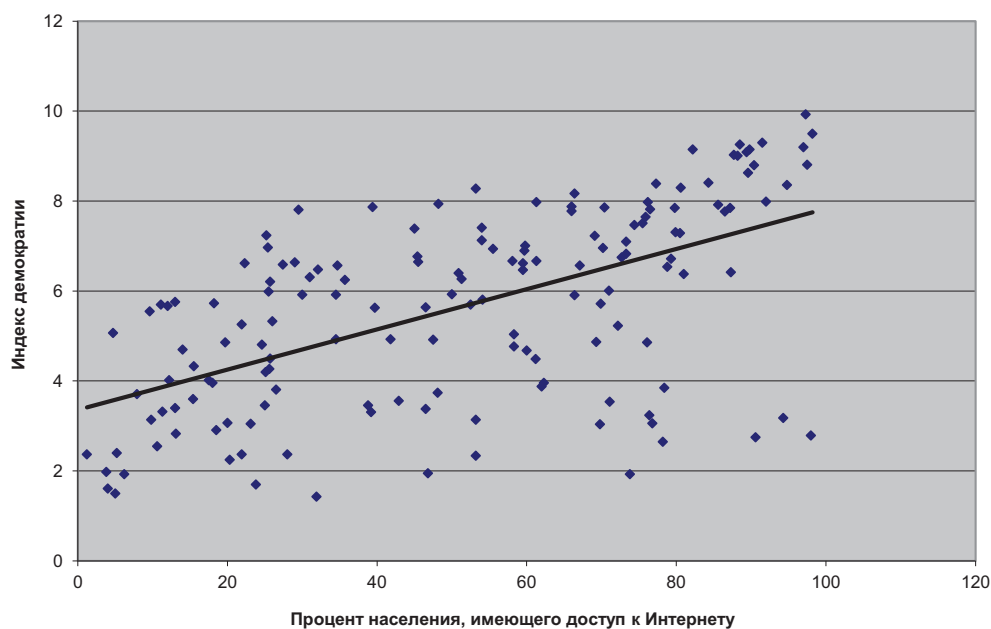

Рисунок. Диаграмма рассеивания 154 стран мира (по данным 2016 г.)

измерения — от 0 до 100%), а вертикальная координата — индексу демократии (шкала измерения — от 0 до 10). (В скобках заметим, что для ряда стран отсутствуют данные по индексу демократии; аналогично — не для всех стран известен процент населения, имеющего доступ к Интернету. В результате в исследование попали 154 страны, по которым имеются значения и одной, и другой переменных.)

Простое рассмотрение полученной диаграммы позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, и это может показаться довольно неожиданным, страны разбросаны почти по всему пространству. То есть в стране с низким значением индекса демократии может быть как низкий, так и высокий процент населения, имеющего доступ к Интернету. Так, Бахрейн и Джибути, при почти одинаковых значениях индекса демократии (2,79 и 2,83, соответственно), имеют колоссальную разницу в 85% по количеству населения, имеющего доступ к Интернету (98% в Бахрейне и 13,1% в Джибути). В группе стран с более вы-

соким значением индекса демократии также можно увидеть большой разброс в числе тех, кто имеет доступ к Интернету. Например, Япония имеет индекс демократии, равный 7,99, и процент населения, имеющего доступ к Интернету, на уровне 92%. При этом Индия, имея сходный индекс демократии — 7,81, в три раза уступает по проценту населения, имеющего доступ к Интернету, — он равен всего лишь 29,5%.

Сходная ситуация видна и при сравнении стран со сходными значениями процентов населения, имеющего доступ к Интернету: индекс демократии в этих странах может существенно варьироваться. Исландия имеет практически тот же процент населения, имеющего доступ к Интернету, что и Бахрейн (98,2 и 98, соответственно). Но если в Бахрейне индекс демократии — 2,79, то в Исландии — 9,5. Для стран с более низким уровнем доли населения, имеющего доступ к Интернету, характерна та же картина: Экваториальная Гвинея и Восточный Тимор имеют сходные проценты тех, кто имеет доступ к Интернету (23,8 и 25,2), и при этом разницу

в четыре с лишним раза по индексу демократии (1,7 и 7,24, соответственно).

То есть говорить о том, что существует однозначная связь между индексом демократии и распространением Интернета среди населения, не получается. Если бы такая связь существовала, данные на диаграмме рассеивания имели бы более четкую форму и более явную ориентацию из нижнего левого угла в верхний правый угол (положительная связь) или из нижнего правого угла в верхний левый угол (отрицательная связь).

Тем не менее (это во-вторых), на диаграмме явно просматриваются несколько «мертвых зон», позволяющих сделать важные для нашего исследования выводы.

Обращает на себя пустая зона, где нет стран, в верхней части диаграммы. Ее можно интерпретировать следующим образом: *страна не может достичь высокого индекса демократии, имея низкий процент населения с доступом к Интернету*. Эта зона, можно сказать, определяет пределы роста для стран: если доля населения, имеющего доступ к Интернету, меньше 20%, то в этой стране не может быть индекса демократии выше 6. Если доля населения, имеющего доступ к Интернету, от 20 до 50%, то в такой стране не может быть индекса демократии выше 8. Если доля населения, имеющего доступ к Интернету, от 50 до 80%, то в стране не будет индекса демократии выше 8,5. И только для стран с долей населения больше 80% возможно достижение более высоких значений индекса демократии. Таким образом, мы видим, что существует связь между предельными значениями индекса демократии и распространенностью Интернета.

Еще одна «мертвая зона» располагается в нижней правой части. Ее интерпретация может быть следующей: *маловероятно для страны достичь очень высокого процента населения, имеющего доступ к Интернету, имея*

при этом низкий индекс демократии. Исключение из этого правила составляют три нефтяные страны: ОАЭ, Катар и Бахрейн. Если не брать их в расчет, можно сделать такое заключение: если индекс демократии меньше 6, то доля населения, имеющего доступ к Интернету, не может превысить отметку в 80%. Если индекс демократии меньше 8, то затруднительно преодолеть отметку в 90%. Достижение более высоких результатов по распространению Интернета возможно лишь при значении индекса демократии выше 8. Таким образом, можно утверждать наличие связи между предельными значениями процента населения, имеющего доступ к Интернету, и индексом демократии.

«Мертвая зона» в нижней части диаграммы, по сути, не позволяет говорить о существовании заметной связи: видно, что стран с крайне низкими значениями индекса демократии нет ни среди стран с высокой долей населения, имеющего доступ к Интернету, ни среди стран с низкой долей. Тем не менее заметно, что граница этой зоны немного все же поднимается вверх по мере увеличения процента населения, имеющего доступ к Интернету, что, опять же, может свидетельствовать о наличии связи между предельными значениями индекса демократии и распространенностью Интернета.

О наличии статистической связи между долей населения, имеющего доступ к Интернету, и индексом демократии свидетельствует корреляционный анализ. Коэффициент корреляции Пирсона оказывается равен 0,58, что соответствует положительной связи средней силы.

Схожие диаграммы рассеивания и коэффициенты корреляции могут быть получены и при рассмотрении связи между индексом демократии и другими переменными, характеризующими степень развитости и распространенности ИКТ. Так, коэффициент корреляции

между индексом демократии и процентом домовладений, в которых имеется компьютер (Percentage of households with computer) [5. — P. 138–141], составляет 0,53 при очень сходной диаграмме рассеивания.

Таким образом, напрашивается вывод, что хотя статистические данные подтверждают наличие корреляции между распространением в стране информационно-коммуникационных технологий и степенью совершенства общественно-политической системы, на практике эта связь не является однозначной. Если в стране низкий уровень распространения ИКТ, то вовсе необязательно, что в этой стране наличествует авторитарный режим и ограничено действие гражданских свобод. Равно как и наоборот — преодоление страной цифрового отставания не означает, что в стране начинает процветать демократия и свобода.

Полученные корреляционные коэффициенты, в целом, согласуются со сложившимися представлениями о научно-техническом прогрессе как важнейшем факторе, способствующем совершенствованию общественно-политической системы. Однако именно «в целом». Очевидно, что ИКТ не является определяющим фактором в процессе этого совершенствования (это показывают те же самые полученные коэффициенты). Создавая благоприятные условия для развития демократии, обеспечения прав и свобод, ИКТ в практике конкретных государств могут быть и не использованы для этих целей. Более того, современные информационные технологии могут использоваться во вред демократии, помогая реализовать сценарий создания тоталитарного государства нового типа, имеющего, благодаря технике, возможность контролировать каждый шаг и каждое намерение своих граждан. Системы уличного наблюдения, анализа циф-

ровых следов и прочие современные средства могут использоваться как для розыска террористов, так и для выявления «неблагонадежных элементов» и инакомыслящих. Одни и те же технологии можно использовать с разными целями, ИКТ — всего лишь инструмент, направленность применения которого зависит от тех, кто этот инструмент использует, от сопутствующих обстоятельств и от ряда других факторов. Неслучайно на смену эйфории все чаще приходит более взвешенное отношение к ИКТ, звучит озабоченность возможными рисками: «интернет-технологии коммуникации... выступают мощным фактором эволюции традиционных моделей общественно-политического устройства в глобальных масштабах. Однако открывается ли при этом новый спектр возможностей для общественно-политического развития либо же мы имеем дело с новыми политическими вызовами и угрозами — данный вопрос является по-прежнему открытым» [1. — С. 81].

То есть информационно-коммуникационные технологии выступают на сегодняшний день в двояком амплуа: и как фактор, способствующий совершенствованию общественно-политической системы (для объяснения этого влияния может быть предложено множество объяснительных моделей), и как инструментальное средство, наличие которого, само по себе, не оказывает влияния на укрепление демократии и обеспечение прав и свобод человека. Внимательное изучение исторического опыта показывает, что подобный дуализм не является чем-то уникальным — все открытия и изобретения, сделанные человечеством, с одной стороны, предоставляли возможности улучшения жизни, а с другой, являлись инструментом, создавая риск их использования не только на благо, но и во зло.

Литература

1. Володенков С.В. Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. — Т. 18. — Вып. 2.
2. Медведев Д.А. Вступительное слово на заседании президиума Государственного совета «О реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации». — 17 июля 2008. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/819>.
3. Тараканова Т.С. Особенности информационно-коммуникационных технологий в концепции делиберативной демократии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2012. — № 1.
4. Democracy Index 2016. — The Economist Intelligence Unit, 2017. — Режим доступа: <http://www.eiu.com/topic/democracy-index>.
5. Measuring the Information Society Report. — International Telecommunication Union. — Geneva. — 2017. — Vol. 1.